

Старинный Харьковскій театр.*

Харьковский театр при императоре Александре I и въ началъ царствования императора Николая.

№ 4478, I. 1894, 1895.

Театръ 1808 года. — Польская труппа и ея драматургъ Петровский. — Спектакли съ 1810 по 1813 годъ — Спектакль „Благороднаго Общества“ въ пользу архитектора Алферова. — Неудачная попытка юнаго драматурга Масловича. — Спектакли въ Юнаковкѣ — Старая школа.

Въ началѣ текущаго столѣтія въ Харьковѣ не только былъ театръ, но водились и драматурги, но благодаря цензурнымъ строгостямъ, ихъ произведенія не попадали ни на сцену, ни въ печать. Вотъ, напримѣръ, что рассказываетъ о студентскомъ періодѣ своей жизни В. Масловичъ, редакторъ юмористическаго журнала „Харьковский Демокритъ“, издававшегося въ 20-хъ годахъ: „Я съ дерзостью Алкида пустился въ обширное поприще драматической поэмы! Въ сіе время окончилъ я (то естъ въ 1810 году) двѣ оперы**, написалъ оригинальную оперу-водевиль въ 2-хъ дѣйствіяхъ „Дровосѣкъ“, выставя въ оной дѣйствующими російскія и малороссійскія лица; милая моя (здѣсь рѣчь идетъ о хорошенькой сосѣдкѣ Масловича) и въ семъ водевилѣ была образцомъ для главной роли Катерины, дочери дровосѣка. Сія опера отдала была мною въ цензурный комитетъ, но, къ несчастію, попалась медицинскому профессору Шумлянскому, уроженцу малороссійскому: ему не понравилось, что я выставилъ на сцену съ глупой стороны малороссіянина, а потому онъ и не одобрилъ ее къ печатанію. Не унывая отъ сего, я сочинилъ небольшую комедію въ прозѣ — „Щебетуха“, началъ большую трагедію въ прозѣ и во вкусѣ Шекспира, подъ названіемъ

„Могущество природы и любви“; трагедіи сей было написано уже полтора дѣйствія. Сочинилъ прологъ въ стихахъ: „Праздникъ Бахуса“, потомъ комедію въ 3-хъ дѣйствіяхъ въ прозѣ „Конфетчикъ“ или „Женитьба по парижской модѣ“. Сія послѣдняя была уже объявлена на Харьковскомъ театрѣ, но, къ несчастію, для цензурованія попалась опять тому же профессору, а такъ какъ тамъ былъ осмѣянь одинъ ученый педагогъ, то господинъ профессоръ не восхотѣлъ, чтобы ее играли, не смотря на всѣ старанія директорабѣдной Харьковской труппы и вмѣстѣ съ тѣмъ на мою досаду. Послѣ сего директоръ бросился съ просьбами къ г. гражданскому Харьковскому губернатору Бахтину, чтобы позволилъ онъ представить моего „Конфетчика“. Г. губернаторъ взялся было самъ просмотрѣть комедію, но по флегматическому своему сложенію долго медлилъ и, наконецъ, затерялъ ее между кинами своихъ бумагъ... „Доселѣ удивляетъ меня, говоритъ въ заключеніе В. Масловичъ: когда я приходилъ время на таковыя упражненія, будучи безпрестанно или на лекціяхъ, или за воротами, или въ церквахъ, дабы глазѣть на мою могущественную фею!“...

Въ 1813 году пріѣзжала на ярмарку труппа Калиновскаго, „плохаго актера, содержателя себѣ на умѣ“, по отзыву Г. О. Квитки. Со словъ Щепкина графъ Соллогубъ такъ описалъ Калиновскаго. „Осипъ Ивановичъ былъ румяный, веселый человѣкъ, званіемъ содержатель театра, трагическій актеръ, первый любовникъ и комикъ. Онъ плохо говорилъ по-русски и коверкалъ слова немилосердно, къ чему, впрочемъ, публика давно привлекла. По тому, какъ былъ поднятъ его козырекъ, актеры всегда могли угадать настроеніе духа и финансовыя обстоятельства своего патрона: козырекъ поднятъ, а картузъ на затылкѣ, — значитъ

у импрессарио завелись деньги, и онъ исполнилъ счастливъ; козырекъ опущенъ, а картузъ надвинутъ на глаза, — значитъ, театральная касса совершенно пуста, и къ Калиновскому хотъ не подступай“*. Должно быть, въ 1813 года картузъ у Осипа Ивановича рѣдко съѣзжалъ на затылокъ, ибо дѣла шли плохо, печѣмъ было платить актерамъ, не на что было купить для нихъ румянъ и бѣлизъ. „Актеры“, говоритъ Г. О. Квитка, „не получая жалованья часто не хотѣли выходить на сцену. Вмѣшивались полиція и публика; толпа приводила фантастически костюмированнаго актера, крича: „дикаго человѣка поймали“. И его силою заставляли играть. Безпорядки дошли до того, что къ кассѣ былъ приставленъ полицейскій чинovníкъ; онъ долженъ былъ дѣлать сборы между актерами, но не могъ удовлетворить всѣхъ претензій“.

Роммель, прожившій въ Харьковѣ съ января 1811 года до іюля 1814 года**, говоритъ о тогдашнемъ театрѣ: „главнымъ украшеніемъ его были цыганы и цыганки: съ гитарой въ рукахъ, они то плавно изгибались подъ дикіе напѣвы, то, какъ буря, носились по сценѣ***. Оркестръ состоялъ изъ крѣпостныхъ предводителей****; разъ какъ то они были взяты своимъ господиномъ, и театръ разстроился. Въ партерѣ подлѣ музыкантовъ располагался предсѣдатель уголовной палаты (Мюнстеръ — вооруженный палкою, вѣчно взволнованный и накаленный; онъ давалъ знать публикѣ о своемъ настроеніи сильными ударами по перегородкѣ оркестра, задѣвая иногда палкою спины музыкантовъ“.

* См. во 2-мъ томѣ сочиненій графа Соллогуба рассказъ *Собака*.

** Роммеля *Пять лѣтъ изъ исторіи Харьковского Университета*, стр. 48 и 98.

*** То же было и на другихъ провинціальныхъ сценахъ: въ 1812 г. московскіе актеры, переѣхавшіе въ Ярославль, встрѣтили сильную конкуренцію со стороны цыганки *Стенки* и ея хора (Любецкаго *Русь и русскіе въ 1812 г.* II, 8).

**** А Квитка.

Какъ въ Харьковѣ смотрѣли на актеровъ, видно изъ того, что какой-то знакомый Роммелю помѣщикъ причислялъ ихъ къ категоріи бродягъ; къ ней же, прибавимъ, относилъ онъ и профессоровъ*.

Съ точки зрѣнія характеристики правовъ и понятій того времени интересны разясненія, появившіяся въ „Вѣстникѣ Европы“ по поводу сообщенія объ одномъ харьковскомъ спектаклѣ.

Въ 1811 году Харьковскимъ „Благотворительнымъ Обществомъ“ былъ устроенъ спектакль въ пользу молодого архитектора Алферова, путешествовавшего (верѣдко пѣшкомъ) по Италіи для изуенія классическихъ памятниковъ своего искусства**. Въ этомъ спектаклѣ, давшемъ чистаго сбора 1000 руб., разыграна была драма въ пяти дѣйствіяхъ „Ревнивый“ того самаго губернатора И. И. Бахтина, о которомъ съ такимъ негодованіемъ говоритъ В. Масловичъ. Кто-то написалъ по этому поводу корреспонденцію въ „Вѣстникъ Европы“, въ которой было сказано, что „Ревнивый“ новая піеса и что авторъ дозволилъ сыграть ее, желая участвовать въ „подвигахъ“ „благороднаго общества“. Бахтинъ, оскорбившись, что его, губернатора, называютъ авторомъ, немедленно послалъ въ редакцію письмо, въ которомъ объяснилъ, что хотя онъ дѣйствительно писалъ „Ревниваго“, но восемнадцать лѣтъ тому назадъ, когда еще не былъ губернаторомъ. „Желая меня похвалить, писалъ Бахтинъ издателю журнала, вы сдѣлали мнѣ большую непріятность. Ежели человѣка называютъ миролюбивымъ, безъ сомнѣнія, это весьма большая ему похвала. Но А. В. Суворовъ, скажутъ, про одного генерала говорилъ: хорошій генералъ! миролюбивый генералъ! Слова „миролюбивый“ и

* Роммель, стр. 75—76 и 92.

** Выписки изъ писемъ Алферова см. въ „Молодикѣ“ на 1814 г., стр. 190—198.

„генералъ“, соединенныя вмѣстѣ, были не похвалою, а критикою тому. Губернаторъ и авторъ драмы, соединенные, едва ли, по мнѣнію моему, не равносильны. Мнѣ могутъ возразить, что Фридрихъ Великій издалъ цѣлыя томы сочиненій своихъ, однако-же правилъ не только губерніей, но и цѣлымъ государствомъ и предводительствовалъ арміями. Но кто увѣритъ меня, что онъ не правилъ бы еще лучше, ежели-бы не сочинялъ? Кто поручится мнѣ, что какое нибудь хорошее мѣсто въ poemѣ его *Искусство военное* не стоитъ ему неудачи хотя одного сраженія? Въ объявленіе о сей драмѣ напечатано было, что я ее сочинилъ, но въ томъ же объявленіи было помѣщено, что драма сія была сочинена мною назадъ тому 18 лѣтъ, слѣдовательно объявленіе не дѣлало меня авторомъ и губернаторомъ въ одно время“. Подъ „объявленіемъ“ здѣсь разумѣется афиша. Въ заключеніе Бахтинъ просилъ напечатать его письмо. Издатель, исполнивъ его желаніе, прибавилъ отъ себя: „Въ печатномъ объявленіи дѣйствительно упомянуто, что драма сочинена передъ симъ за 18 лѣтъ. Я пропустилъ сіе обстоятельство и симъ признаніемъ поспѣшаю исправить свою ошибку?“.

Честъ Бахтина, какъ губернатора, была, такимъ образомъ, совершенно восстановлена...

Подъ „печатнымъ объявленіемъ“, о которомъ упоминали Бахтинъ и издатель „Вѣстника Европы“, нужно разумѣть афишу. Такимъ образомъ, въ Харьковѣ еще въ 1811 году существовали печатныя афиши. Весьма возможно, что афиши печатались и раньше, съ 1808 года, ибо и тогда уже существовала университетская типографія.

Въ описываемое время изрѣдка бывали спектакли и въ помѣщичьихъ

* „Вѣстникъ Европы“, 1811 годъ, № I, стр. 142 и № V, стр. 135—136.

усадебныхъ. Одинъ изъ такихъ спектаклей никогда не будетъ забытъ исторіей русскаго театра. Мы говоримъ о спектаклѣ, бывшемъ въ 1810 г. въ Юнаковкѣ, имѣнни князя Голицына (Харьковской губерніи), находящемся верстахъ въ сорока къ сѣверу отъ Сумъ, о спектаклѣ, имѣвшемъ громадное значеніе для художественнаго развитія гениальнаго русскаго актера Щепкина. Играли комедію Сумарокова „Приданое обманомъ“. Князь П. В. Мещерскій, тотъ самый, который въ 1750 году, бывши воспитанникомъ сухопутнаго кадетскаго корпуса, отличался, разыгрывая съ товарищами *Хорева* сначала въ корпусѣ, а потомъ, по желанію Императрицы, въ Эрмитажномъ (придворномъ) театрѣ, игралъ главную роль. Юнаковский спектакль, благодаря отсутствію правды у тогдашнихъ провинціальныхъ актеровъ и таланту Мещерскаго, былъ выдающимся явленіемъ и не прошелъ безслѣдно: своей простой игрой Мещерскій далъ знаменитому комику первый толчекъ къ переходу на новый путь. Князь, по словамъ Щепкина, игралъ прекрасно. „Поднялся запавѣсь, и передо мною князь; но вѣтъ, это не князь, а Солидаръ, скупой. Какъ страшно измѣнилась вся фигура князя! Исчезло благородное выраженіе его лица, и скупость скареда рѣзко выразилась на немъ“. Щепкинъ, воспитанный на старинныхъ пріемахъ, не сразу понялъ Мещерскаго. Ему показалось даже, что князь не умѣетъ играть: „говоритъ, просто смѣшно сказать, какъ всѣ люди; всѣ, игравшіе съ нимъ показались мнѣ лучше его, потому что они играли, особенно игравшій роль Пасквина: онъ говорилъ съ такой быстротой, махалъ руками такъ сильно, какъ любой, самый лучшій пастоящій актеръ“. Но въ концѣ концовъ князь очаровалъ молодого артиста, и Щепкинъ сталъ самъ стремиться къ безыскусствен-

ности, которою поразилъ его Мещерскій; но ни кому изъ товарищей не рѣшился Щепкинъ открыть свою задушевную мысль, боясь быть осмѣяннымъ каждымъ изъ нихъ.

Тогдашнюю школу и нелѣпое пониманіе ея въ провинціи Щепкинъ такъ характеризуетъ въ своихъ запискахъ: „Никто не говорилъ своимъ голосомъ, игра состояла въ какой-то изуродованной декламаци, слова произносились какъ можно громче, и почти каждое слово сопровождалось жестами. Особенно въ роляхъ любовника декламировали такъ страстно, что смѣшно вспомнить, слова: *любовь, страсть, измѣна*, — выкликались такъ громко, какъ только доставало силъ въ человѣкѣ, но игра въ фізіономіи не помогала актеру: она оставалась въ томъ же натынутомъ, неестественномъ положеніи, въ какомъ являлась на сцену. Когда актеръ оканчивалъ какой-нибудь сильный монологъ, послѣ котораго должно было уходить, то принято было въ то время за правило поднимать правую руку вверхъ и такимъ образомъ удаляться со сцены. Однажды одинъ актеръ, окончивши тираду и удаляясь за кулисы, забылъ поднять руку. Что-же? На полпути онъ рѣшился поправить свою ошибку и торжественно поднялъ завытнкую руку... Актеръ, говоря на сценѣ съ другимъ лицомъ и чувствуя, что ему предстоитъ сказать блестящую фразу, бросалъ того, съ кѣмъ говорилъ, выступалъ впередъ на авансцену и обращался уже не къ дѣйствующему лицу, а дарилъ публику этой фразой, а публика съ своей стороны за такой скрпизъ аплодировала неистово“.

*. Все это продѣлывали въ Харьковѣ и русскіе, и польскіе актеры. Н. Ч.

(Продолженіе слѣдуетъ).

* Щепкина *Записки*, 125—126. Аранова *Литонисъ*, 47.

* Продолженіе. См. „Южн. Край“ № 4476.

** Авторъ еще гимназистомъ написалъ „пастушескую оперу“, „пастораль“, „Амингу“ и „другую подобную“ „Дельфъ и Дельфира“ или „Увѣнчанная любовь“.